

Оак Баррель

**ДЕСЯТЬ
ПОВОРОТОВ
ДОРОГИ**

Необременительная новелла

Оак Баррель

**Десять поворотов дороги.
Необременительная новелла**

«Издательские решения»

Баррель О.

Десять поворотов дороги. Необременительная новелла /
О. Баррель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833239-5

— Женщины после пятидесяти невозможны в любой очереди: даже если им дать десять одинаковых предметов и предупредить об этом, они все равно будут копаться в них, выбирая лучший. Возможно, так выражается их сожаление о выборе супруга, сделанном десятилетия назад, а может, это объясняется каким-то невероятным законом бытия... Но факт остается фактом — то есть самой упрямой в мире вещью из всех возможных. Никогда, никогда не вставляйте в очереди за ними! Мой вам совет.

ISBN 978-5-44-833239-5

© Баррель О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Почтеннейшая публика	7
Кусты без рояля	11
Публикум фигура	14
Гусь будущего	17
Кони и конюхи	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Десять поворотов дороги

Необременительная новелла

Оак Баррель

© Оак Баррель, 2016

ISBN 978-5-4483-3239-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Женщины после пятидесяти невозможны в любой очереди: даже если им дать десять одинаковых предметов и предупредить об этом, они все равно будут копаться в них, выбирая лучший.

Возможно, так выражается их сожаление о выборе супруга, сделанном десятилетия назад, а может, это объясняется каким-то невероятным законом бытия... Но факт остается фактом – то есть самой упрямой в мире вещью из всех возможных.

Никогда, никогда не вставайте в очереди *за* ними! Мой вам совет.

Как не об этом?.. О чем же тогда я должен рассказать? О бродячих артистах, парне из рыбацкой деревни и целой стране, которой управляет обезьяна? Какая сомнительная тема. Но, раз так хотят спонсоры...

(Они точно не из обезьян? Нет? Тогда я, пожалуй, начну.)

Пролог

Равновесие мира в море разливанном хаоса можно сравнить с равновесием катящейся по столу тарелки. Долог ли стол, умело ли пущена тарелка?.. И на это-то не ответишь.

Однако самые пытливые пойдут дальше и непременно спросят: а чей это, собственно, стол? И хорошо ли мыта тарелка перед отправкой в один конец? А то и – ловит ли ее кто-нибудь на краю?

Так волей-неволей мы снова обращаемся к богам, приобщая к Пантеону в меру разумения всех, кто, образно, стоит вокруг того стола, по которому катится тарелка.

Мир, о котором пойдет речь, довольно стар. Как змея кожу, менял он государства и целые эпохи, покрывался испариной трех потоков, горел озерами лавы и даже весьма неласково обошелся с парой огромных метеоритов – тем печальнее, что один из них обладал сознанием и как раз находился на пороге важного открытия в геометрии. (Другой был бессмысленной каменной, и если вы уже начали переживать на его счет, то можете прекратить.)

Мир этот покрывают *места*. Они испещряют его, как шрамы и наросты кожи старого кита, – или выщербины тарелку, если вы склонны дальше развивать тему посуды. Большая их часть не стоит упоминаний, если только вы не сходите с ума от описания заболоченных низин или горных пиков. Но некоторые из них действительно важны, хотя и гораздо менее приметны.

Пробудив одно из таких, вы вдруг обнаружите, что покрылись шерстью и встали на четвереньки – потому что оно изменило вашу природу. Попав в другое, окажетесь в окружении восьмидесяти восьми девственниц, существующих исключительно в вашем воображении.

Все это похоже на ловкий фокус, не более... Самые значительные из *мест* – те, пробуждение которых впускает в мир кого-то, кто в нем не особенно уместен. Например, слишком велик, чтобы не нарушить саму ткань реальности, просто ответив на ваше «здрас-сьте!». Или его представления о веселье предполагают небольшую динамичную заварушку с гибелью целого народа.

В этих декорациях и будет происходить низлежащая история.

Говорят, страдания играющего артиста – ничто по сравнению со страданиями неиграющего. Не знаю, не знаю... Смотря кто окажется вашим зрителем.

Почтеннейшая публика

Эту историю можно начать разными способами.

Не худшим из них будет начать ее с помпезной и весьма бестолковой фразы, выкрикнутой рыжим паяцем на утоптанной прогалине у деревенского колодца:

– А теперь, уважаемая публика! Перед вами выступит мировая знаменитость! Глотатель шпага, огня и нечистот! Бывший церемониймейстер его величества! Колдун и полиглот! Великолепный Хряк!!!

Четверо оборванцев бежали по синему закатному лесу, не разбирая тропы, оставляя за собой лишь кивающие потревоженные ветви и кое-где – неприметные капли актерской крови, коя, как известно, ценится ниже крови доброго человека.

Лес вокруг пах мокрыми овцами, хлюпал и скользил в низинах, словно ты бежал по слою намыленной шерсти. То и дело из-под ног кидалось прочь перепуганное зверье – вверх по влажным стволам или в норы между корнями – смотря по своей природе. Целый выводок свиней с хрюканьем скрылся в чаще, продираясь через кусты. Секач метнулся было, чтобы напасть, но, обескураженный перескочившим через него с воплями человеком, ретировался вслед за маткой подальше от сумасшедших.

За спинами беглецов слышался хруст веток и веселые окрики с обещанием медленной и занимательной расправы. За деревьями в синеве мелькали факелы, которые больше выдавали преследователей, чем помогали найти их жертву.

Не меньше дюжины бородатых мужиков с уханьем перескакивали через ручьи и кочки, топая тяжелыми сапогами, прорывались сквозь гигантский папоротник. Праведный гнев религиозных фанатиков быстро превратился в развлечение, на которые так скудна жизнь в лесной глуши. Беглецов травили, словно семью оленей, не давая свернуть с выбранного охотниками пути. На их счастье, в деревне не держали собак, считая тех нечистыми животными, так что побег комедиантов не сопровождался бодрым лаем спущенной своры – если не приравнять к ней двуногую обезумевшую стаю, вооруженную кольями и пращами.

Десять покрытых лишайником каменных зубцов окружали круглую поросшую травами поляну, что не заметишь в чаще и с трех шагов. Несмотря на густой лес вокруг, на ней не росло ни одного дерева, не считая скрюченного куста калины, пытавшегося уползти в чащу, – сплошной ковер из сухого вереска и заячьей капусты, распластавшихся на камнях.

Место вовсе не выглядело зловеще, если смотреть на него в привычном для человека спектре. Те же, кому посчастливилось обладать более чувствительной натурой, изо всех сил держались подальше от гиблой плещи – кроме сотни полусонных ворон, сидящих на соснах вокруг поляны. Птицы сидели неподвижно и казались уродливой гирляндой из черных ламп.

Поскользнувшись на пироге из птичьего помета, рыжеволосый парень, сиганув боком между стволов, со всего маха налетел плечом на одного из каменных стражей и кубарем вкатился на плешь, поочередно ударившись всеми выступами тощего тела.

– Гадство и барабанный бой, – прошипел он, растирая ушибы, вставшие в длинную очередь на примочки.

Беглец стоял, озираясь, в центре плещи, не понимая, в какую сторону бежать дальше. Его внутренний компас безостановочно нарезал круги. Он зажмурился, тряхнул головой, пытаясь прийти в себя, и прислушался к звукам леса. Те едва пробивались, словно чашу от поляны отделял невидимый ватный полог.

«Видать, хорошо приложился головой», – подумал он, снова закрывая и открывая глаза. Картина при этом слабо менялась.

С ободранных ладоней на траву упало несколько алых капель, и тут же в лицо дунул холодный, пахнувший снегом ветерок, будто кто-то быстро открыл и закрыл окно в зимний день. Рыжий вздрогнул от неожиданности, метнув взгляд по выступающим в темноте стволам. Он чувствовал, как тьма вокруг впитывает его страх, боль от ушибов и, кажется, еще что-то из океана воспоминаний, о чем он сам давно забыл думать. Невидимый мясник потрошил его сознание, выбирая лакомые куски.

Звуки замерли совершенно. Несколько секунд царила глухая совершенная тишина. Если кого и было слышно, то лишь самого себя – ужаснее развлечение не придумать...

А затем наваждение исчезло.

Он очнулся, словно от долгого мучительного сна, обнаружив себя стоящим на коленях в самом центре поляны. Кисти рук были алыми от крови, но разбираться с этим не было времени: выше по склону кто-то с шумом ломился через заросли напрямик к нему. Раздался шум падения, хруст и замысловатые ругательства, призывавшие горящую серу в глотки еретиков, в глаза еретиков и в... Судя по всему, невидимый с поляны человек очень не любил этих самых еретиков, кем бы они ни были.

Сжав зубы до скрипа, беглец припустил с открытого места, не доверяя перспективе прилечь к кипящему коктейлю ни одной из своих точек. Вереск за его спиной покрылся густым серым инеем.

Отсутствие ли собак, неповоротливость пустившихся в погоню «лесных братьев» или звезда удачи, раскрывшаяся бутоном подле луны, – но все четверо оторвались от преследователей в распадке между холмов и уже в сгустившейся темноте выбрались к перекрестку дорог – оборванные, обессиленные и перепуганные.

Одна из дорог тянулась неровной лентой вдоль кромки леса, отделяя от него убранный ячменное поле, другая пересекала то и другое изогнутым клинком, соединяя за горизонтом Северный кантон с Южным.

– Ах-тыж-итит-твою-ох!..

Тот, что был толще остальных, бессильно бухнулся на колени, продержался на них с секунду, а затем упал лицом в дорожную пыль, раскинув руки в объятьях. Его глаза, сердце и желудок пытались покинуть тело от дикой скачки (и почти преуспели в этом), а грудь сжимал стальной обруч, о который колотилось и бухало, отдаваясь в многочисленных подбородках. Толстяк стонал, хрипел и ругался, вздувая облачка пыли в уезженной колее, где клялся провести остаток дней, если ему предоставят женщин, вина и окорок.

Тот же, что был остальных выше, лыс и тощ, как монашій посох, растянулся в придорожном бурьяне, сгинув в нем от любых взглядов. Судя по звукам, он рвал теперь зубами из земли корни, силясь зарыться еще глубже, поправ кротов и медведек в родной стихии.

Третий из беглецов как ни в чем не бывало стоял на обочине, уперев руки в бока, и смотрел куда-то ввысь – словно мало ему было важного здесь, внизу, где из-за любой коряги мог выскочить мужик с вилами и насадить на них его тщедушное тело со свирепым удовольствием. Вязаная жилетка его была вся в репьях, награждая бока ложной тучностью, голые руки тонки и мускулисты, а глаза под рыжим чубом расставлены так широко, будто собирались разглядеть за плечами.

Еще одна тень тонко вздохнула и сползла спиной по гладкостволой березе, оказавшись притом девицей с плотно зашнурованным бюстом, ищущим себе выход. На белой коже ее играли капли пота, а рыжие спутанные волосы колыхались на прыгающих плечах. Юбки девушки были основательно изорваны, так что клочья карминовой шерсти верхней мешались с белыми хлопьями нижних, словно кто-то сбрызнул глазурью сырое мясо.

Парень в отделанном репьями жилете какое-то время постоял, дав отдышаться своим спутникам, а затем, переступив через толстяка, подошел к сидящей на земле девушке:

– Надо бежать, Аврил. Они близко. Я видел одного у оврага. Этот кретин прижигал факел и орал так, словно наматывал себе кишки на кулак. Уверен, с ним рядом и остальные, – кивнул он в сторону простертого по холмам леса, невольно задержав взгляд на темных арках между стволами.

Он вовсе не был уверен в том, что на самом деле видел, когда обернулся, убегая с поляны, ставшей вдруг гораздо больше, чем казалась вначале. Несшийся за ним кретин, один из целого семейства кретинов, действительно зажег новый факел и что-то проорал вдогонку удаляющейся жертве. Вот только крик этот резко оборвался, факел отлетел в сторону, а перевернувшуюся в воздухе фигуру вздернуло вверх ногами с отвратительным звуком испаряемой кожи...

Было это на самом деле или привиделось в темноте – Хвет не взялся бы спорить и на медяк. Во всяком случае, никто затем уже не ломился сзади через лес и не орал проклятия во всю глотку. И это, если честно, пугало еще больше.

Что бы ни случилось там, на поляне, но здесь на открытом месте беглецов было видно со всех сторон. В лесу лунный свет не пробивался сквозь переплетенные кроны, и деревья до верхушек стояли в чернилах, гудящих ночными звуками, в которых всякий мог отыскать для себя кошмар по вкусу. Если деревенские наконец сожгли все факелы и слишком устали, чтобы орать (речи не шло о том, что вдруг поумнели), то могли подойти незаметно, получив желанное представление не вполне тем способом, на который рассчитывали артисты.

Хвет резко обернулся на шелест, приготовившись к прыжку. Из травы вспорхнула разбуженная птица, что-то гугукнув в полете, и скрылась в кронах. Парень облегченно вздохнул, распрямил спину и снова повернулся к девице, торопя ее жестом.

– Еще минуту, Хвет... – простонала названная Аврил. – Ноги совсем не держат.

– Если еще протелимся, эти уроды нас найдут, и твои ноги будут болтаться с ближайшей ветки. Дойдем до рощи, тогда заночуем. Здесь нельзя долго, – ответил названный Хветом, кивнув в сторону черной полосы за полем. – Давай руку!

Девушка, все время сжимавшая в правой нож, ловко перекинула его в левую и подавалась всем телом вперед, вставая на ноги. Легкая и гибкая, она все же не удержалась и застонала от множества мелких ран, полученных на различных этапах непредвиденной экспедиции. Впрочем, могло быть гораздо хуже...

– Ну и ночка, блин! Подкараулить того ублюдка, пустила бы шкуру на ремни! У тебя все руки в крови. Сильно ранен?

– Не, в порядке все, – отмахнулся он, пытаясь не паниковать от одной мысли о странном месте посреди леса. От локтей до середины ладоней тянулось два тонких одинаковых пореза, будто кто-то провел по его рукам скальпелем.

Сзади с юбок у девушки свисал впившийся в складки дротик, пущенный кем-то из пращи. Парень нетерпеливо отцепил его, вырвав клочок ткани, за что был награжден подзатыльником. От резкого движения она снова застонала. Под лопаткой кровоточила рана, питая расплывшееся по блузе пятно.

Ее брат выглядел не лучше: лоб рассекала рана, и его лицо было блестящим и красным, как у гневного божества из китайской преисподней. Отличала только чуждая азиатам огненно-рыжая шевелюра и круглые, как у зайца, глаза – а так вылитый Чань-Пынь-Как-Его-Там-С-Бубном.

– Забудь о нем, – Хвет тянул девушку за собой. – Слушай: побежим быстро. Поняла? Тут как на ладони со всех сторон.

– Повезло Бандону, – прохрипел из колеи толстяк, прекратив пыхтеть и ругаться. То и другое было основными признаками его жизни, так что стоило заподозрить неладное, если что-то из этого прекращалось.

– Есть момент, – согласился невидимый персонаж в бурьяне, скрипя суставами.

Над травой выросла лысая, как булыжник, голова с большим родимым пятном, насаженная на сутулые костистые плечи. Мужчина привычным движением устранил изъязренный бесформенным париком, оставаясь сидеть в лопухах, как гигантский первобытный кузнечик.

– На хрена тебе парик, Гумбольдт? Сов пугать? И, как я уже много раз говорил, у тебя слишком длинное имя – даже для такой дылды. И слишком короткий отросток. Позорно короткий и уродливый, – толстяк перевернулся на спину и теперь лежал пузырем поперек дороги, имея с ней общий цвет.

– Хряк, он и есть хряк, – философично заметил обладатель парика, стянув его с головы и спрятав за пазуху, словно несчастливую летучую мышь. – Лишь в грязи ты обретаешь счастье и рассудок, мой сальный мудаковатый друг.

– Ну, вы, мудаковатые друзья, пошли! – раздраженно зашипел Хвет, дергая Гумбольдта за шиворот ветхой куртки. Воротник остался в его руке. – Хряк, Аврил, быстрее!

– Э... дай сюда, – вслед за париком за пазухой скрылась оторванная деталь туалета. – Это крайне ценный мех.

– Хоть немного шерсти на голой жабе, – не преминул ужалить толстяк, ворочаясь на дороге.

Лысый хрустнул членами, собираясь вниз и раскладываясь вверх, как стремянка. Хряк, придерживая широкие клоунские штаны, снова перекатился на живот и не без труда принял вертикальное положение, не слишком выиграв в высоте.

– Ну и задница у тебя, милый друг, – попотчевал его Гумбольдт, помогая держаться на ногах.

Четверка беглецов, попеременно оглядываясь, засемила сквозь голые поля под луной – подругой всех воров и бродяг. В ту ночь она весьма подружилась еще и с горсткой странствующих комедиантов, коих и днем не всякий отличит от вторых и первых.

Миновав поле и сделав петлю вдоль мелкой речки, они свалились под кроной дремучей ивы, ветви которой мели по самой траве, надежно скрывая от любых взглядов. Где-то рядом завозились и смолкли разбуженные пришельцами утки.

Хвет еще долго прислушивался к ночным звукам, силясь угадать в них походку полоумных крестьян, бросившихся на них прямо посреди выступления. Кто бы знал, что эти идиоты поклоняются своему бородатому богу с его «семьдесятю семью основами», среди которых строгий запрет на лицедейство¹! Ходила лиса к охотнику кур просить... А весь скарб, что пришлось бросить?! Одних шляп и масок на два золотых! Запасная упряжь. Одежда... Убогая деревенщина! Козлы подкоряжные! Эх! Сегодня ушли, а что дальше, скажите вы мне? Завтра – очередная тихая деревушка с милыми пастушками, любителями живьем содрать шкуру под святым деревом?

Юноша скрипел зубами от бессильной злости. Если б не навалившаяся усталость, нашлось бы место и размышлениям о жизни, о бродяжьей с детства судьбе – и вообще... Там бы и пожалеть себя. В досаде опрокинуть стакан крепленого... Но и он в конце концов сомкнул веки, скатившись в тревожный сон, в котором над горящим лесом летали свиньи в белых плащах, высматривая, кому наделать на голову.

Ива над беглецами мерно шевелила ветвями, предсказывая судьбу. Но ее никто не слушал, а потому судьбы наперед не узнал, довольствуясь недостоверными сновидениями.

¹ На самом деле их даже два: «основы» 11 и 37. Разница состоит лишь в выборе времени для наказания: согласно одиннадцатой, казнить лицедея надлежит утром, тридцать седьмой – в полночь. Прагматичные крестьяне на этом основании просто растягивают процедуру на сутки, разумно полагая, что какое-то из времен непременно придется кстати.

Кусты без рояля

Над бескрайним морем встает оранжевое солнце. Встает оно, конечно, и над каньоном, равнинами и даже над барсучьей норой в лесу. Солнцу вообще все равно, над чем вставать. Оттого не минует оно страну между ледниками и теплым морем, напоминающую сверху простертый огромный четырехлистник, разделенный реками и низинами.

Вы смотрите на величественную Кварту.

Ее Северный кантон упирается в скалистую покрытую льдами местность. Южный омывает Круглое море. Восточные границы соседствуют с племенами, названия которых не выговаривать без изнурительных тренировок. Их стойбища и огромные стада мохноногих яков легко заметить на голых равнинах среди озер. Но присмотритесь хорошенько к дымке над Западным кантоном, и увидите бесформенное родимое пятно – это Сыр-на-Вене, столица Кварты и ее самый большой город. Кто-то не без издевки добавит: самый шумный, загаженный и опасный. Но мы чужды пораженческим настроениям, поэтому, согласившись с перечисленным, добавим: самый богатый, пестрый, жадный до новостей и развлечений.

История, к рассказу которой мы приступили и в развитие коей вы теперь невольно вовлечены, началась ранней осенью неважно какого года в Северном кантоне, где на рассвете одну из многочисленных жидких рощиц среди полей огласил осипший в простуде голос:

– Поднимай задницу, Хвет!

Спящий открыл глаза. Что-то воздушное и цветное, парившее во сне, разбилось на куски о комковатую фигуру Хряка, толкавшего его ногой в бок.

– Фхрщ... Что?..

Юноша сел, как марионетка, выставив вперед руки. Перед его глазами сталкивались круги, понемногу уступая буколической панораме. Кажется, на лугу танцевали девушки в красных лентах, где-то за листвою играла флейта... или это они играли на флейте...

– Пора двигать, – пробурчал толстяк из-за плеча, распахивая что-то по карманам.

Поверьте, это была наихудшая альтернатива обнаженным танцующим флейтистам. Хвет мысленно посоветовал мирозданию запретить унылых толстяков по утрам, чтобы не портить настроение на весь день.

В роще было зябко и влажно от тумана, словно растворившего в белом стволы деревьев. В порыжелых кронах скандалила пернатая мелочь. Хвет поежился. От этого мокрая грубая одежда кошачьими языками прошла по коже. Вся компания уже была на ногах. Аврил с хмурым лицом рассматривала свой погибший наряд и исцарапанные руки.

– Рану придется шить, – кивнул на нее Гумбольдт, обращаясь к юноше. – Добраться бы поскорей до дома...

«Дом» на этот раз был таверной в местечке со странным незапоминающимся названием², где труппа остановилась, решив поколесить по округе, сплошь состоявшей из маленьких пропахших навозом деревенок, где артистов в лучшем случае не пытались сразу убить. А если и платили за выступление, то парой червивых репок, брошенных из толпы, – и не всегда, кстати, с целью накормить пришельцев. Что было вообще соваться в эти края?..

Все четверо двинулись цепочкой по узкой тропке в сторону поселения, где два дня тому оставили в конюшне великана Бандона. Теперь они шли в обратном порядке, чем спасались ночью: Гумбольдт, Хряк, Аврил и Хвет.

То и дело толстяк подгонял дылду палкой, сетуя на его нерасторопность и кривые ноги. Тот ворчал в ответ, что, мол, Хряк может идти первым, а не пускать пузыри своим неумытым

² Назовем его Песьи Муськи – не лучше и не хуже в ряду из горы Надсадный Пуп и озера Чаргоггагогманчауггаоггчаубунаунгамаугг.

ргом ему в поясницу. На это Хряк ядовито отвечал... Впрочем, не все ли нам равно, что отвечал дурак дураку? А важно то, что, когда процессия уже почти миновала рошу, выйдя на мелколесье, из-под затянутых паутиной кустов кто-то сдавленно кашлянул, как это делают для того, чтобы быть замеченными в уважаемом обществе. Ну, может, чуть надсаднее, чем принято в салонах, однако кашель есть кашель.

Гумбольдт, идущий первым, мгновенно соскочил с тропы, готовый бежать или защищаться. Это был самый нелепый в мире прыжок самого неприспособленного к прыганью существа, которое девять к десяти готово было именно что бежать, а вовсе не вступать в драку.

В принципе, дылда был грозным бойцом – длинноруким, ловким и бесстрашным. Но для того, чтобы эти качества проявились, его нужно было наглухо загнать в угол и перепугать до полусмерти. Последний раз в открытом бою он теснил родственников несостоявшейся жены, размахивая насаженной на вертел индейкой. Этот случай вошел в мировую историю как Великая индюшачья победа, даровавшая Гумбольдту свободу от брачных уз и мирных лет на семейной ферме. Теперь ни одной невесты на горизонте не маячило, и ситуация не казалась ему такой уж безнадежно опасной.

Нечто, таившееся за занавесом листвы и посеребренной росами паутины, не унималось:

– Извините за беспокойство... – голос был приглушенным и шел откуда-то снизу, будто из-под земли. – Не могли бы вы помочь мне выбраться? Очень прошу. Будьте так добры, – и, после секундного ожидания: – Парле ву франсе? Эм-м... Зи шпрехен дойч? Воси фала португейш³?

Комедианты переглянулись: трое из них пожали плечами, один отрицательно замотал головой. Аврил, корсет которой лопнул в погоне, прикрыла платком грудь, желавшую активного участия в разговоре.

– Что за хрень? Ты вообще кто?! – спросил у куста Хряк, которому в это утро выпало быть вопиющим гласом компании.

– О! Мой дорогой соотечественник! – раздалось из-за кустов.

– Чо?..

– Ничо! Помогите вылезти из ямы, кретин!!! – раздалось в ответ. Некто, очевидно, терял терпение.

– Он назвал тебя кретином, досточтимый Хряк. Как это точно, как верно подмечено. Имя, данное тебе матерью! – не преминул поддеть товарища Гумбольдт. – Кто ты, о незримый пророк?! – обратился дылда к кустам, почесывая выпирающую ключицу под рубахой. Вид у него при этом был как у орла, объевшегося гречки.

– Может, вы уже пособите ему, а потом будете паясничать?! – прикрикнула на болтунов Аврил, раздраженно одергивая мокрые юбки, свисавшие ключьями по окружности композиции. – Тебя как зовут? Ты один? Идти можешь?

– Кир. Да. И... м... да, – молвил ей в ответ куст, добавив: – Кстати, тут еще попадается ежевика. Невероятно, в такую-то пору! Только, я, кажется, уже всю объел...

Хряк с Гумбольдтом шумно полезли через кусты.

– Осторожно, друзья мои, здесь охрененная яма, которую не сразу увидишь, – напутствовал им голос. – Именно туда вам и нужно... То есть сюда. Я в ней... Попробую подтянуться.

Шорох сменился звуком падения и приглушенным стоном. Затем все дважды повторилось в той же последовательности – невидимый собеседник пытался подняться выше, цепляясь за торчащие из земли корни. Гумбольдт с Хряком активно снабжали его советами, вопреки которым им в конце концов удалось схватить ямного сидельца и выволочь его из кустов. Все четверо немедленно обступили незнакомца, чтобы как следует рассмотреть.

³ Вы говорите по-французски? Вы говорите по-немецки? Вы говорите по-португальски?

Это был недурно сложенный, но крайне тощий молодой человек лет двадцати, бледный, черноголовый, черноглазый и чернобровый с выдающимся вперед узким носом и острыми оттопыренными ушами. Его правая нога возле щиколотки опухла и была вывернута под неестественным углом. Рваный башмак с нее он крепко держал в руке, словно тот был единственным отпущенным ему на земную жизнь. Впрочем, судя по латанной вдоль-поперек одежде, это вполне могло случиться. Даже на фоне бродячей труппы парень выглядел оборванцем и был грязен до безликости.

– Ты же сказал, что можешь идти?! – возмутилась Аврил, указывая подбородком на вывих.

– Я немного преувеличил, – ответил спасенный, глядя на покалеченную ногу, и снова припал к фляге с водой. – Меня зовут Кир.

– Нам некогда с тобой возиться! Сам доковыляешь до деревни?

Парень по-детски улыбнулся и помотал головой, затем пожал плечами, развел руки в стороны, жалобно вздохнул и выразил сожаление тридцатью тремя способами.

– Это просто... просто... на хрен кошачий все! – ответила за четверых девушка, яростно бросив в траву корягу, которой счищала паутину с Хряка. В траве что-то жалобно пискнуло и скончалось. – Мало нам геморроя, еще нашли себе захребетника! Дай ему свою палку, Хряк, и пусть выбирается как хочет!

Нельзя не сказать: в гневе она была великолепна. Неприбранные локоны развевались в хрустальном утреннем свете, алые губы подчеркивали страстность, руки двигались, словно в танце... Невозможно, невысказанно сердиться на слова такой красавицы, брошенные в запале! Но спасенный нешуточно рассердился:

– Это бесчеловечно! Вы не можете так поступить с гражданином своей страны, попавшим в беду. А ты! Да, ты! – он ткнул башмаком в Аврил. – Ответишь по закону за неоказание помощи пострадавшему!

По неизвестной причине это подействовало. Нельзя сказать, что бродячих актеров легко пронять словами – уж кого-кого, но только не их. Однако уверенное и научно обоснованное заявление сотворило чудо: Аврил лишь хмыкнула и даже не попыталась пнуть обидчика. Вместо этого она подала знак вытянуть ногу, присела, подобрала юбки, и быстрым сильным движением вправила юноше вывихнутый сустав. Все произошло так неожиданно и скоро, что он не успел вовремя вскрикнуть от боли, а кричать после уже было неприлично. В итоге он так и остался сидеть на поросшей пустоцветом тропе с открытым ртом и обвинительно поднятым башмаком.

– Перевяжите потуже и дайте ему палку, – повторила ледяным тоном девушка. – *Теперь-то* ты можешь идти? – ядовито поинтересовалась она, когда повеление было исполнено. – Попробуйте, ребята, его умыть, что ли... Воняет, как коровья лепешка.

Остатки воды из фляжки ушли на то, чтобы разглядеть цвет кожи на щеках спасенного. Перевязанный и одаренный посохом Кир поднялся с помощью Хвета, все это время жевавшему колосок в сторонке, и поплелся за остальными, морщась от боли на каждом шаге.

– Ты прилично рисковал, – сказал ему тот.

– Еще бы! Я мог издохнуть в яме.

– И это тоже, – неопределенно ответил Хвет.

Солнце разметало кисею тумана, и вскоре путники уже без опаски двигались по выбитой в пыль проселочной дороге в сторону... как бишь называлось это селение? Очередных Песых Мусек на своем извилистом пути.

Публикум фигура

– Ты сам откуда? – спросил Кира Хвет больше от скуки, чем из любопытства. В эту часть страны он попал впервые, ничего здесь толком не знал, а после вчерашнего прерванного погоней выступления – активно не хотел знать.

– Из Трех Благополучных Прудов⁴, – ответил Кир.

Хвет удивленно вздел бровь: мол, такие названия вообще бывают? Его собеседник пожал плечами: мол, название как название, что такого?

Вместо корявой палицы Хряка Киру выломали вполне приличный костыль рогатиной, для удобства обмотав его верх тряпицей (мода на множество пышных юбок весьма удачно обеспечивает в походе тряпками и бинтами). Теперь он двигался гораздо быстрее.

– И чем ты там занимался, в этой своей деревне?

– Я... как объяснить получше... публикум фигура⁵... – неуверенно произнес Кир, словно пробуя на вкус собственные слова.

– А... любишь с девчонками повеселиться? – задумчиво произнес Хвет. – Сунешься к моей сестре – пришибу! – предупредил он, искоса поглядывая на Кира. – Фигуры он публит... Классно устроился. Не пыльная работенка. Хотя в таких-то обносках?.. Ты что, беглый барон?

– Женщины – это равноправная часть общества, – невпопад заявил Кир, сделав серьезное лицо, насколько позволяла физиономия напуганного грача.

Хряк недобро посмотрел на него, обернувшись. Идея ему явно не понравилась. Аврил старательно сделала вид, что ни слова из сказанного не расслышала и вообще занята изорванным рукавом.

– Никакие фигуры я не публю! Я и есть фигура, – воскликнул сбитый с толку Кир.

Теперь на него косо посмотрели все четверо.

– Я – общественный деятель, выборный представитель жителей Трех Благополучных Прудов! – попытался объяснить Кир. – Понятно? – он выпятил тощую грудь под рубахой (во всяком случае, честно попытался это сделать, насколько мог, вышло не очень).

– Нет. И не хочу знать детали, – ответил ему Хряк. – Держись от меня подальше на всякий случай.

– А я вот хочу, – заявила равноправная часть общества. – Что это значит?

– Меня выбрали, чтобы я говорил от имени деревни, – уныло пояснил Кир.

В голосе его сквозило отчаяние. Вероятно, новые знакомые были не первыми в ряду тех, кто ни слова из сказанного не понял, переиначив саму суть демократического общественного устройства⁶.

– А... кому говорил-то?

– Чего? – не понял Кир.

– Ну, говорил, мол, от всей деревни или типа того...

– Да кому угодно! Всем! – втолковать эту прозрачную очевидность оказалось непростым делом, и юный демократ начинал вскипать.

– То бишь сейчас с нами говорит целая трехпрудовая деревня, которая всю ночь просидела в яме с вывихнутой ногой? Хреновая у тебя деревня, друг! – отчитал юношу Гумбольдт, к чему Хряк, приняв оскорбленный вид, добавил:

– Хреноее не бывает. Местечко, вестимо, в заду у мира.

⁴ Я же говорил...

⁵ От лат. «publicum figura» – «общественный деятель».

⁶ С этим делом у многих были проблемы, так что не нужно стесняться, если вы сами не смыслите в демократии. Просто пойте гимн и ни о чем не задумывайтесь.

– Не считая милой деревеньки, что нам попалась вчера, – едко ввернул Хвет.
– Не вспоминай! У меня до сих пор мокрая жо от бега... Извини, Аврил.
– Да пожалуйста! Можешь всем рассказывать про свою мокрую жо, Хряк. Было бы кому интересно...

– И все же: что за деревня такая, где выбирают публить фигуры оборванца? – не унимался Хвет, так и не уловив сути. В дороге всякая тема – развлечение, а тут еще что-то новенькое...

– Деревня как деревня. Рыбаки живут. На берегу. Там, – Кир махнул рукой куда-то назад.

– На берегу пруда, значит... И, судя по всему, там есть еще два – не менее счастливых? То есть благополучных?

– Ну, да. Два с половиной... хм... один пруд наглухо зарос и обмелел лет десять тому... Зато лягушей там – прорва! Мы их продаем по всей долине! – с гордостью выпалил юноша, желая, вероятно, произвести впечатление этим животноводческим чудом. – Даже в Гребаных Пнях берут наших лягушей. Целыми корзинами, – он покрутил головой, ожидая какой-нибудь реакции – охрентельного восторга, например. – Даже в Пнях...

Ожидаемого восторга не последовало.

– А на что целой, блин, гребаной долине твои лягушки?

– Только не говори, что вы их едите! Фу! – воскликнула с отвращением Аврил.

– Так на что?

– Она сказала не говорить, – показал Кир в сторону идущей впереди девушки.

– Где там, говоришь, твоя деревня? – спросила Аврил, переключив тему с лягушек на географию.

– Там, – он снова махнул рукой, второй налегая на костыль.

– Но мы-то идем в другую сторону. Нет? Тебя ничего не смущает? Ты как домой попадешь?

– А я и не собираюсь возвращаться. Чего мне? Я был не понят, несправедливо подвергнут... о-стра-кизму, – неуверенно выдал он странное во всех отношениях словечко.

– М-м-м? Потому и сидел в яме, как жаба? Это они тебя так... отстракиздили? – любопытствовал Хряк, но девушка его перебила:

– Так ты из этих?! Ну, у которых там ничего нет? – Аврил аж подскочила от любопытства.

– Чего?.. – не понял ее Кир.

– Ну же! Хвет! Помнишь, как про них пелось в той дурацкой песенке? – Аврил промычала какую-то мелодию, пританцовывая в теплой пыли дороги. – Ну же?! Вспомни!

– Кастрат кастрату дважды рад? Ты про эту?

– Точно! Молодец! Кастрат кастрату дважды рад! Нет лучше для него наград! – запела она, счастливо улыбаясь.

– Не надо, Аврил, нас побьют эти милые селяне, – усмехнулся Хвет, глядя на телегу с мешками, проезжавшую мимо.

С телеги на артистов поглядывала смешливая девочка лет шести, активно показывая язык. Этого ей показалось недостаточно, и девчужка толкнула ногой одногодку-брatца, который немедленно выдал уморительную пантомиму, завершив ее неприличным жестом. Сидящий на мешках мужчина отвесил мальчишке подзатыльник, приказал ему брать пример с сестры, принявшей смиренный вид, и одернул вожжами лошадь, чтобы быстрее миновать кучку подозрительных оборванцев.

– А при чем здесь кастрат? – резонно поинтересовался Кир, тоскливо провожая телегу взглядом. Идти ему становилось все труднее.

– Ты же сам сказал, что тебя... Как там? Отстракиздили, что ли, по самые не могу?

– Я сказал, что меня подвергли отстракизму. Короче, дали пинка под зад из деревни. Ясно тебе?

– А... – задумчиво протянула Аврил. – То есть у тебя *там* все в порядке?

– У меня *там* все в порядке. Если тебе интересно.

– Нисколько не интересно.

– Ну и ладно!

– Да пожалуйста!

Вся компания, каждый из которой выяснил для себя необходимое, снова шла молча, лишь сетуя иногда на голод и палящее не по-осеннему солнце.

Гусь будущего

За время, что неожиданно пополнившаяся труппа брела от рощи к своему временному жилищу, все как-то незаметно сдружились с Киrom, оказавшимся хоть и редкостным занудой, помешанным на дурацких книжках, что и писать не стоило, зато неглупым парнем, с которым было приятно поболтать. Общее утреннее приключение, история с ночным бегством у одних и рассказ о полутора днях, проведенных в яме, у другого немало тому способствовали.

Киру, голодному с раздувшейся, как пузырь, лодыжкой, дорога давалась с большим трудом, но он терпел несколько часов и только отшучивался, считая вслух «раз, два, три», пока не высох язык и кожа под мышкой не стерлась от костыля в кровь.

Примерно на середине пути, ковыляющий сзади и бледный, как крахмальная скатерть, он вконец сник, умолк и только сипло дышал, безуспешно стараясь не отстать. Приходилось то и дело останавливаться, поджидая плетущийся арьергард, пока тот выстукивал костылем в пыли. К полудню компания почти перестала двигаться вперед, словно замерев в солнечном киселе. Как выразился Хвет, их не обгоняли лишь дождевые черви, да и то пока не выползли на поверхность.

В конце концов Кир с виноватой улыбкой опустил на дорогу и дрожащим голосом сообщил, что сдвинуться с места ему не светит, если только какой-нибудь великан не даст ему доброго пинка в нужную сторону. И пинки эти придется повторять до самых Песьих Мусек, потому что приземляться он каждый раз будет на задницу, а вовсе не на то, что у других считается ногами. Что они могут оставить его на произвол судьбы здесь, посреди дороги, голодного, мучимого жаждой и увечного, и что сам бы он сделал с собой так, если бы не боялся божественного возмездия и отборных ругательств брошенного. Что по всем меркам так нельзя поступать с одиноким ими же вызволенным страдальцем, но они в своей жестокости могут, с них станется устроить и не такое...

Лепет Кира почти уж сходил на нет, когда Гумбольдт осоловело посмотрел на него и без всяких предисловий подставил сутулую спину в качестве экипажа.

С многословной помощью Хряка парень навьючился на долговязого, сцепив руки у него под шеей, после чего двухэтажная конструкция, снабженная балансирующим в воздухе костылем, небыстро двинулась вдоль дороги. К счастью, пассажир вел себя смирно и весил не больше пары связанных веревкой жердей.

– Ты чего такой тощий? – спросил его Гумбольдт.

– Готовился ехать на тебе, – ответил Кир, кивая в такт шагам своего носильщика. – Не подвел?

– Даже перестарался, – заключил тот и передернул плечами, отгоняя от шеи мух. – Почеши плечо, а? Слепень укусил. Чешется, аж сил нет.

– Не выйдет, иначе я сорвусь. Достаточно того, что я тощ – считай это подарком судьбы и смирись с остальным дерьмом, – Кир, кажется, уже перенял манеру шутить, принятую в труппе.

– Неблагодарный тощий ублюдок, – беззлобно вздохнул Гумбольдт, продолжая идти вперед.

– Женщины любят упитанных, – встрял семенящий сзади толстяк, обуянный от голода словесным поносом. Затем он изрядно помолчал и суровым тоном предрек: – Ты, парень, умрешь бездетным.

– А у тебя-то сколько детей? – огрызнулся Кир со своего шагающего насеста.

– У меня все впереди, – уклончиво отозвался Хряк. – Я как раз приобрел нужную форму для беспорядочных соитий, если бы не этот ночной галоп. Теперь придется все начинать сначала. – Отдадим должное: толстяк был весьма проворен и чертовски вынослив для своей ком-

плекции. Насчет любовных подвигов – чего не знаем, того не знаем. – Аврил, только посмотри на это: теперь я тощ, как оглобля. Утратил весь, мать его, шарм! Аврил?

– Тебе не даст даже тыква, – вяло ответила она, не оборачиваясь. На большее девушки не хватило.

Аврил плелась из последних сил, совершенно измотанная за ночь. Из-под лопатки продолжала сочиться кровь, и Хвет с тревогой поглядывал на сестру, которая всякий раз отказывалась от помощи.

– Ты как?

– Не очень. Иду пока...

– Может, остановимся?

– Тогда уж я точно не встану. Надо найти воду. Жарко.

Погода и впрямь была непривычно теплой для осени. Плечи и затылок грело, как от печи. Солнце в безоблачном бледном небе разошлось по-майски, и сбитые с толку пчелы кружили над лугами, не находя в них цветов. Через поле, обезумев от оптимизма, пронесся долговязый ушастый заяц и скрылся в оголившемся пролеске, чтобы сильно удивить там какую-нибудь зайчиху.

Вокруг простирались бесконечные убранные поля, куцые рощицы на межах, и ни одного ручейка или колодца на горизонте. Уже с час путники никого не встречали на дороге, лишь вдалеке паслись черные, как грачи, коровы да кто-то невидимый жег траву за холмом – в воздухе стоял тонкий запах дымка. Земля, отдав урожай, словно обезлюдела и заснула в тиши до другой весны, стряхнув с себя беспокойных крестьян с их бабами, лошадьми и тяжелыми возами.

– Потерпи. Скоро, по-моему, будет хутор, – подбодрил сестру Хвет.

Сам он казался двужильным, как сказочный Конек-Горбунок: отдых парню почти не требовался – он шел, все так же пружиня и размахивая руками, только глаза под рыжим чубом темнели и губы сжимались в тонкую полоску.

Хвет оказался прав: из-за поворота дороги, огибающей зеленый жизнерадостный холм, показались ульи, брошенная телега и крыши, окруженные садовыми деревьями. У телеги бродила стреноженная кобыла, шаря черными губами по траве. Ее обществу радовались мухи.

Вид человеческого жилья добавил путникам крупицу оживления – малую, как горчичное зерно, но довольную для совершения чуда. Кир вытянул шею в предвкушении отдыха и перестал постанывать от разрывающей ногу боли. Аврил подняла лицо, поправив собранные узлом волосы. А Хряк громко высказался насчет любовных свойств крестьянок в маленьких деревушках, но характеристик этих мы приводить не станем, чтобы не смущать читателя (тем более всякое случается, и они могут оказаться правдой).

На самом краю хутора, столь малого, что, помимо этого края, в нем и не было ничего иного, в огороде, утыканном чучелами с густотой боевой шеренги, ковырял мотыгой старик, охаживая гряду с мелкими, недобрыми на вид кабачками. Овощи имели несвойственный бахчевым фиолетовый оттенок и заостренными своими концами в подражание стрелке компаса лежали строго на юг. По старательным движениям огородника было видно, что он немалый энтузиаст по жизни, которого в ступе не утолочь. Это же следовало из самой попытки получить теплолюбивый урожай на открытом грунте в Северном кантоне, где даже крысы выходили на прогулку в пальто – правда, не все и не каждый день.

Хряк подошел к плетеной ограде и вежливо, как мог, окликнул крестьянина:

– Эй, старый стрый! Мир тебе! У нас раненый и девка в самом соку! Не поможешь?!

Аврил, несмотря на усталость, невольно прыснула от смеха. Хряк умел подбодрить, хотя галантности ему явно недоставало. Это слово даже рядом не валялось у его колыбели.

Огородник обернулся, медленно поднимая мотыгу, и недовольно выставил подбородок в сторону пришедших. Его куцая бородка пришла в движение. Если бы среди летописцев было

чуть больше крестьян и поменьше иссохших в унылых каморах фантазеров, в истории человечества рядом с «карающим мечом» и «жезлом правосудия» непременно бы нашлось место «мотыге великого возмездия». Ее сестра во плоти сейчас угрожающе нависала над головой старца, хотя и в дарующем безопасности отдалении от пришельцев.

– Так чо, мон бутон?! Мы зайдем?! – уточнил Хряк, надавливая на хлипкую ограду пузом.

Та жалобно затрещала, грозя рухнуть вместе с надетыми на колья пучками ветел, устроенных для отпугивания птиц. На каждом из них сидело по упитанной сороке, строящей гипотезы насчет осуществленного человеком замысла.

Вредный старик промычал невнятное, яростно замотав головой в ответ. Мотыга заходила из стороны в сторону. Кабачки щерились с гряды злыми фиолетовыми лицами, как лесные альвы, которым предложили платить налоги. Что бы оно ни значило, было самонадеянно считать эту пантомиму за согласие приютить странников.

Возникло минутное замешательство, разрешившееся самым неожиданным образом.

Из-за обобранного малинника прямо на стоящую у плетня компанию вышла полудюжина крупных серых гусей, занятых оживленным разговором. Увлеченные полемикой и не привыкшие к опасностям птицы едва не налетели на людей. Первые двое вытянули шеи, расставив крылья, и испуганно загоготали. Те же, что шли за ними, поднаддали, не уловив остроты момента...

Сидящий на земле Кир мгновенно оказался обладателем двух трепыхающихся тушек, сомкнув пальцы под клювами предводителей птичьей стаи. Невероятным усилием он встал на одной ноге и поднял свою добычу, демонстрируя ее огороднику.

Мотыга описала в воздухе кривую восьмерку и пала на утоптанную межу, лишив жизни черного жука-короеда. От возмущения такой наглостью старик лишь беззвучно открывал и закрывал рот, глядя на угрозу своему движимому имуществу, трепыхающемуся в руках негодея.

– Или ты, чертова кукла, сейчас же дашь нам воды и накормишь, или мы экс-пор-пер... а-а! Короче, ты недосчитаешься двух гусей! Клянусь этими гусями, что так и будет!

– И оградой, – поддакнул Хряк, напирая животом на плетень. – Клянемся оградой и гусями, старый мошенник.

– Давай, дед, суши подштанники. Нам правда нужна помощь. Не взыщи, мы пришли с добром, – пособил огороднику с решением Гумбольдт – известный в узких кругах философ.

Хвет посмотрел на шатающуюся сестру и с места перескочил ограду, решив, что переговоры затянулись. Аврил попыталась мило улыбнуться, но лишь скривилась, будто от гнилого гриба на вилке, а Кир еще раз выразительно потряс гусями и рухнул с ними в траву, не устояв на одной ноге. В воздухе над ним меланхолично кружили перья.

На перевернутой бочке стоял емкий горшок бобовой каши, густо сдобренной сметаной. Все пятеро сидели в тени сарая, наслаждаясь сытостью и прохладой.

– У тебя интересное представление о справедливости, парень, – заметил Киру Гумбольдт, отирая ложку о тряпицу, заменявшую пришельцам скатерть.

Не то чтобы он сильно возражал против обеда, но был несколько озадачен выдвинутой Киrom аргументацией. Ему-то казалось, что они просто ворвались на чужой двор, потребовав их накормить и обиходить. Неплохо, конечно, хотя и немного варварски.

– Типичный кулак и мещанин! – отозвался о хозяине Кир, с силой перетягивая лодыжку. Старик у него вызывал необъяснимое раздражение. – Человек прошлого.

– Ага. Старый совсем. Еле метлу держит, – согласился Хряк, уплетая кашу за четверых.

Хозяин уже с час старательно подметал крыльцо, не желая выпускать незваных гостей из виду. Его жена торчала кукушкой из окна своего домика, то и дело поправляя косынку. Оба с нетерпением ждали, когда прекратится это нашествие.

Бродяги и в самом деле выглядели из рук вон плохо, будто по ним прошелся табун, но и звать каждого встречного себе на двор, поить-кормить – было делом не из самых. Тем паче таких прощелыг, как эти, от которых за версту несло актерством и прочими вывертами коленец.

– Я не о том, что он старый пень. А отживший вид он! Понимаешь, Хряк? Пережиток. У него прошлое в кишки вьелось, не выведешь. Гуся ему жалко! А людей ему не жалко, хапуге? Огородился тут забором на своем хуторе, сидит, как муха на коровьем... – Кир покосился на Аврил. – В будущем все добро будет общим, и страны перестанут воевать промеж собой. Зачем, раз все принадлежит всем и нет никаких хозяев? – юноша назидательно поднял палец, вестимо, указуя им на грядущее, казавшееся ему светлее некуда.

Гумбольдт с усмешкой пожал плечами:

– Ну, тогда за гуся будущего! – и поднял кувшин с компотом, который смотрелся кружкой в его широченной лапе.

– И за человека прошлого! Все же он нас от пуза накормил как-никак... – ввязался неугомонный Хряк, скребя ложкой по дну горшка.

– Вы б помогли ему, что ли, с огородом? Обидели старика, – заступилась за хозяина Аврил, пропустившая мимо ушей политическую эскападу Кира.

Вся эта болтовня казалась ей сущим бредом, к тому же плечо беспрестанно ныло.

– Да поможем, обожди. Сейчас перекусим немножко – и тут поможем. Эй, стрый?! Тебе помочь, а?! До костей земли проскребешь! Могилу, что ли, себе копаешь?!

Дед на крыльце только зло поводил бородкой, продолжая гулять метлой по чистым, как столешница, доскам.

Дальнейший путь ладился куда лучше, и вскоре за очередным холмом показалась окраина вождеденных скитальцами Песьих Мусек.

Кони и конюхи

Посреди утопанного манежа стоял черный, блестящий, как обсидиановый божок, гигант Бандон в обрезанных холщовых штанах и с голым торсом, достойным скульптора. При каждом движении под его кожей перекачивались бугры мышц, которых хватило бы на четверых обычных мужчин. Люди его наружности – выходцы из-за Круглого моря – были редкостью в этих местах и селились обычно не севернее столицы, наводняя «черные» кварталы города, похожего на раздавленную медузу. Но и там не нашлось бы много людей столь внушительных габаритов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.